Сложные единичные преступления в практике стран англосаксонской правовой семьи

Ашарин Александр Андреевич
аспирант, Сургутский государственный университет, 89227722223@mail.ru

В статье исследуются особенности уголовно-правового понимания сложного единичного преступления в странах англосаксонской правовой семьи на примере Соединённых Штатов Америки, Англии, Канады и Австралии. Рассматриваются характерные для указанных правопорядков подходы к разграничению единичного преступления и множественности преступлений, обусловленные спецификой исторического развития общего права, значительной ролью судебного прецедента и отсутствием единой доктринальной конструкции сложного единичного преступления. Особое внимание уделяется анализу нормативных положений уголовного законодательства и судебной практики, регулирующих вопросы объединения нескольких преступных деяний в рамках одного уголовного преследования. На основе сравнительно-правового анализа выявляются общие черты и различия американского, английского, канадского и австралийского подходов к разрешению рассматриваемой проблемы. Обосновывается вывод о том, что отсутствие самостоятельного института сложного единичного преступления в странах англосаксонской правовой семьи не исключает существования правовых механизмов, направленных на разрешение вопросов квалификации сложных форм преступного поведения. Устанавливается, что соответствующие вопросы решаются преимущественно посредством судебного толкования, оценки фактической взаимосвязи деяний и применения процессуальных механизмов, что отражает принципиальные методологические различия между англосаксонской и континентальной уголовно-правовыми традициями.

Ключевые слова: сложное единичное преступление, множественность преступлений, англосаксонская правовая семья, уголовное право зарубежных стран, квалификация преступлений, судебный прецедент, единство преступного поведения.

Проблема квалификации сложных форм преступного поведения занимает одно их центральных мест в современной уголовно-правовой науке, поскольку непосредственно связана с разграничением единичного преступления и множественности преступлений, а также с обеспечением реализации принципа справедливости при назначении наказания за подобные виды правонарушающей деятельности. В континентальной правовой традиции названная проблема получила системное теоретическое осмысление в рамках категории сложного единичного преступления. Однако в странах англосаксонской правовой семьи соответствующая категория в ее классическом, доктринально оформленном виде отсутствует, вместе с тем, это не означает, что сложные единичные преступления странам этой правовой семьи неизвестны.

Актуальность обращения к опыту стран общего права обусловлена тем, что в указанных правопорядках проблема единства преступного поведения решается принципиально иными средствами без формирования уголовно-правовых категорий, характерных для континентальной системы. В отличие от романо-германской семьи, ориентированной на теоретическую систематизацию различных проявлений форм преступной деятельности, уголовное право стран англосаксонской правовой семьи, включая Соединенные Штаты Америки, Англию, Канаду и Австралию, формировалось под влиянием судебного прецедента и казуистического подхода, что предопределило отсутствие единой концепции сложного единичного преступления.

Особенно показателен в данном отношении опыт Соединенных Штатов Америки, где, несмотря на отсутствие системного подхода к пониманию сложного единичного преступления, разработаны механизмы объединения нескольких посягательств в рамках единого уголовного преследования.

В частности, в п.4 ст. 1.06 Примерного Уголовного кодекса Соединенных Штатов Америки (Model Penal Code) [10] предусмотрены правила определения момента совершения преступления для целей исчисления срока давности. Согласно указанного пункта преступление считается совершенным при наличии каждого элемента преступления, либо, если явно прослеживается законодательная цель запретить длящееся поведение, в момент прекращения этого поведения или соучастия в нем виновного. При этом срок давности начинает исчисляться на следующий день после совершения преступления.

В ст. 1.07 Примерного Уголовного кодекса Соединенных Штатов Америки закреплены положения, позволяющие рассматривать непрерывный курс поведения как одно преступление, если законодатель не выделил отдельные периоды такого поведения в самостоятельные правонарушения. Следовательно, юридическое единство здесь связано не только с фактической продолжительностью деяния, но и с нормативным определением пределов уголовной ответственности.

Вместе с тем, в п.2 ст. 1.07 Примерного Уголовного кодекса Соединенных Штатов Америки закреплено правило, согласно которому дело подсудимого не подлежит раздельному судебному рассмотрению по каждому из посягательств, если они выражаются в одном и том же поведении или возникают из одного и того же события, при условии, что они находятся в пределах юрисдикции одного суда и были известны органу обвинения на момент возбуждения дела.Данное положение свидетельствует о признании функционального единства преступного поведения, однако реализуется оно не через материально-правовую категорию единичного преступления, а через процессуальные механизмы объединения обвинений.

Принципиально важным является то обстоятельство, что в праве США решающим критерием выступает не внутреннее единство умысла или результата, как это характерно для стран континентальной правовой семьи, а фактическая связь деяний, их принадлежность к одному событию [7].

Существенное значение имеет и конституционный принцип запрета двойного привлечения к ответственности, закрепленный в Пятой поправке к Конституции США. В судебной практике данный принцип получил развитие в виде тезиса, сформулированного в деле Блокбургер против Соединенных штатов (Blockburger v. United

States), согласно которому для признания деяний самостоятельными преступлениями необходимо установить различие в их юридических элементах [1]. При этом если одно и то же действие или сделка представляет собой нарушение двух различных положений закона, то для определения наличия двух правонарушений или только одного необходимо проверить, требует ли каждое положение доказательства факта, которого не требует другое.

Другими словами, человек, совершивший одно действие, но нарушивший при этом два разных закона, может быть судим отдельно по каждому обвинению. Данный подход показывает, что в американском праве вопрос о единстве преступления решается не через анализ внутренней структуры поведения, а через сопоставление составов и оценку фактической связи между действиями.

Дополнительную специфику американской модели придает децентрализованный характер уголовного законодательства. Поскольку Уголовно-правовая система Соединенных Штатов Америки характеризуется отсутствием единого общенационального уголовного кодекса и многоуровневой организацией правового регулирования, обусловленной федеративным устройством государства, Уголовное законодательство действует как на федеральном уровне, так и на уровне пятидесяти штатов, округа Колумбия и Пуэрто-Рико, каждый из которых обладает собственной системой уголовно-правовых норм.

Стоит отметить, что несмотря на отсутствие общеобязательной юридической силы Примерный уголовный кодекс США оказал существенное влияние на развитие уголовного законодательства отдельных штатов и формирование единообразных подходов к уголовно-правовой оценке преступного поведения. Так каждый штат имеет собственные уголовные законы, что приводит к разнообразию подходов к квалификации сложных форм поведения. В одних штатах допускается более широкое объединение эпизодов в рамках одного обвинения, в других предусмотрена более строгая дифференциация. Так, в одних штатах серию мелких хищений могут рассматривать как отдельные самостоятельные преступления, тогда как в других серия мелких хищений будет рассматриваться как единое преступление. Однако, в целом прослеживается общая тенденция в форме отказа от теоретического института сложного единичного преступления [5].

Английское уголовное право, также входящее в систему англосаксонской правовой семьи, демонстрирует еще более выраженный отказ от теоретизации и нормативного закрепления категории сложных единичных преступлений по сравнению с правом США. Если американская система, несмотря на отсутствие соответствующей категории, все же формирует определенные процессуальные механизмы объединения посягательств, то английское право в еще большей степени опирается на казуистику и судебную практику, что придает рассматриваемой проблеме принципиально иной характер.

Английское уголовное законодательство не содержит не только определения сложного единичного преступления, но и самого понятия преступления в системном виде, а также его деления на виды, включая длящиеся, продолжаемые или составные преступления. В отличие от континентальной правовой традиции, где стремление к понятийной систематизации является одной из ключевых характеристик, английское право ориентировано на практическое разрешение конкретных дел и не вырабатывает универсальных категорий для описания сложных форм преступного поведения [6].

Английское право не предлагает четких нормативных критериев для разграничения сложных единичных преступлений и множественности преступлений, фактически предлагает руководствоваться «житейскими представлениями» о характере деяния. Иначе говоря, вопрос решается исходя из того, воспринимается ли поведение как единый акт или как совокупность отдельных действий, а окончательное решение формируется судебной практикой [4].

Такой подход означает, что в английском праве отсутствует даже тот минимальный уровень формализации, который характерен для американской системы. Если в США объединение посягательств возможно через критерий «одного события», то в Англии подобные критерии не закреплены даже на уровне общих положений.

Вместе с тем, стоит отметить, что отдельные законодательные нормы содержат указание на длительный характер преступлений [8]. Так, законодательство предусматривает уголовную ответственность за контролирующее или принуждающее поведение в отношении лица, состоящего с виновным в близких либо семейных отношениях, если такое поведение носит повторяющийся или непрерывный характер [2]. Кроме того, при определении временных границ изнасилования учитывается весь период осуществления полового акта [3]. Указанные положения свидетельствуют о том, что, несмотря на отсутствие общего законодательного определения длящегося преступления, английское уголовное право использует специальные нормативные конструкции, позволяющие учитывать временную протяженность отдельных преступных посягательств.

Промежуточное положение между американской и английской моделями занимает право Канады и Австралии. С одной стороны, они сохраняют прецедентный характер регулирования, с другой стороны обладают более развитой системой кодифицированного уголовного законодательства. Однако и в этих странах также отсутствует категория сложного единичного преступления в ее традиционном понимании.

В уголовном праве Канады проблема квалификации сложных форм преступного поведения решается в рамках сочетания кодифицированного регулирования и развитой судебной практики, что формирует более структурированную модель по сравнению с английским правом, но при этом не приводит к формированию самостоятельной категории сложного единичного преступления. В Уголовном кодексе Канады (Criminal Code of Canada, далее – УК Канады) отсутствуют нормы, прямо закрепляющие понятия длящегося или продолжаемого преступления, однако закон предусматривает механизм соединения обвинений, позволяющий рассматривать несколько эпизодов в рамках одного уголовного производства. Ключевую роль в формировании подхода играет судебная практика, в которой используется критерий «единства дела» (single transaction) или «неразрывности поведения» (ст. 581.1 УК Канады) [13]. Правоприменительная практика Канады, в отличие от континентальной традиции, не стремится выявить стандартные признаки единства преступления, а исходит из оценки фактической связанности действий, их временной связи, общности способа совершения преступления, направленности и взаимозависимости. При этом важным является и процессуальный аспект, заключающийся в том, что объединение эпизодов допускается, если оно обеспечивает эффективность судебного разбирательства и не нарушает права обвиняемого. Иначе говоря, правоприменительная практика Канады исходит из того, что множественность действий не всегда должна приводить к множественности обвинений, если поведение представляет собой единую линию преступной деятельности. Таким образом, в канадском праве формируется модель, при которой сложное преступное поведение фактически признается единым, но без разработки соответствующей материально-правовой категории. Это делает канадский подход близким к американскому, однако с большей ролью судебного усмотрения [11].

В Австралии подход к сложным формам преступного поведения демонстрирует сочетание кодифицированных норм и прецедентной практики, однако также не приводит к формированию института сложного единичного преступления. Несмотря на наличие закона об Уголовном кодексе (Criminal Code Act 1995), который в определенной степени систематизирует уголовное право, в нем отсутствуют категории, аналогичные продолжаемому или длящемуся преступлению [9]. Вместо этого ключевую роль играют процессуальные механизмы объединения обвинений и судебные критерии оценки поведения. В результате австралийская модель демонстрирует характерную для англосаксонской правовой семьи тенденцию в виде отказа от абстрактных уголовно-правовых категорий, компенсирующегося гибкими судебными механизмами, позволяющими учитывать сложность преступного поведения в каждом конкретном случае. При этом отсутствие четких нормативных критериев приводит к тому, что границы между единичным преступлением и множественностью определяются преимущественно судебной практикой, а не законом.

Таким образом, сравнительный анализ показывает, что в странах англосаксонской правовой семьи институт сложного единичного преступления в том виде, в каком он разработан в российской уголовно-правовой доктрине, не сформировался. Ни право США, ни английское, канадское или австралийское уголовное право не используют обобщающую категорию, аналогичную российским представлениям о длящихся, продолжаемых, составных и иных видах сложных единичных преступлений. Вместе с тем, в каждом из указанных правопорядков возникает необходимость определить, когда ряд действий должен рассматриваться как единое уголовно-правовое поведение, а когда как множественность преступлений. В странах англосаксонской правовой

семьи проблема сложного преступного поведения решается преимущественно на уровне практики и процессуальных механизмов, а не через разработку материально-правовых категорий. В отличие от континентальной системы права, где ключевое значение имеют такие признаки, как единство умысла, объекта, результата и законодательной конструкции, в англосаксонской модели приоритет отдается фактической связанности действий и их процессуальной взаимосвязи [12].

На основании изложенного, можно констатировать, что в праве США, Англии, Канады и Австралии отсутствует институт сложного единичного преступления как самостоятельная категория, однако сходные явления существуют и регулируются через альтернативные механизмы, основанные на оценке фактического поведения и процессуальной целесообразности квалификации. Это свидетельствует о принципиально ином методологическом подходе к решению одной и той же уголовно-правовой проблемы.

Литература

1. Blockburger v. United States, 284 U.S. 299 (1932) [Электронный ресурс] // Legal Information Institute. Cornell Law School. URL: https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/284/299?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 23.04.2026).
2. Serious Crime Act 2015. Section 76. Controlling or coercive behaviour in an intimate or family relationship : UK Public General Acts, 2015, c. 9 // Legislation.gov.uk : официальный сайт законодательства Великобритании. — URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2015/9/section/76 (дата обращения: 20.10.2026). — Текст : электронный.
3. Sexual Offences Act 2003. Section 79. Part 1: General interpretation : UK Public General Acts, 2003, c. 42 // Legislation.gov.uk : официальный сайт законодательства Великобритании. — URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2003/42/section/79 (дата обращения: 20.10.2026). — Текст : электронный.
4. Грюнхут М. Английское уголовное право // Современное зарубежное уголовное право. М.: Иностр.лит., 1961. Т.3. С.650.
5. Закон об уголовном кодексе Австралии [Электронный ресурс]. URL: https://www.legislation.gov.au/C2004A04868/latest/text(дата обращения: 26.04.2026).
6. Кенни К. Основы уголовного права Англии. М., 1949.
7. Малешина А. В. Особенности уголовно-правовых систем стран общего права // Актуальные проблемы российского права. 2008. №3. С. 595-603.
8. Петренко, В. В. Длящиеся преступления: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / В. В. Петренко. — Москва, 2025. — 222 с.
9. Петрова Е.А. Структурные элементы системы американского права: теоретико-сравнительные аспекты // Теория и практика общественного развития. 2011. №6. С 215-219.
10. Примерный уголовный кодекс США [Электронный ресурс]. Россия: Библиотека Пашкова / URL: https://constitutions.ru/?p=5849 (дата обращения: 23.04.2026).
11. Рассказов Л.П. Англосаксонская правовая семья: генезис, основные черты и важнейшие источники // Научный журнал КубГАУ. 2015. №105.
12. Уголовное право зарубежных стран. Общая часть / под ред. И.Д. Козочкина. М.: Омега-Л, 2003. С. 9.
13. Уголовный кодекс Республики Канады [Электронный ресурс]. URL: https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/C-46/section-581.html?txthl=transaction (дата обращения: 20.04.2026).

Complex single offenses in the legal practice of common law countries

Asharin A.A.
Surgut State University

The article examines the specific features of the criminal law understanding of complex single offenses in common law countries, with particular reference to the United States of America, England, Canada, and Australia. It explores the approaches adopted in these jurisdictions to distinguishing a single offense from a plurality of offenses, which are shaped by the historical development of common law, the significant role of judicial precedent, and the absence of a unified doctrinal concept of a complex single offense. Particular attention is paid to the analysis of statutory provisions of criminal law and judicial practice governing the consolidation of multiple criminal acts within a single criminal prosecution. Based on a comparative legal analysis, the study identifies similarities and differences between the American, English, Canadian, and Australian approaches to addressing this issue. The article argues that the absence of an independent legal institution of complex single offenses in common law countries does not preclude the existence of legal mechanisms designed to resolve issues concerning the legal classification of complex forms of criminal conduct. It is established that these issues are primarily addressed through judicial interpretation, assessment of the factual interrelationship between criminal acts, and the application of procedural mechanisms, reflecting fundamental methodological differences between common law and continental criminal law traditions.

Keywords: complex single offense, plurality of offenses, common law legal family, foreign criminal law, legal classification of criminal offenses, judicial precedent, unity of criminal conduct.

References

1. Blockburger v. United States, 284 U.S. 299 (1932) [Electronic resource] // Legal Information Institute. Cornell Law School. Available at: https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/284/299 (accessed: 23.04.2026).
2. Serious Crime Act 2015. Section 76. Controlling or Coercive Behaviour in an Intimate or Family Relationship : UK Public General Acts, 2015, c. 9 // Legislation.gov.uk : Official UK Legislation Website. — URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2015/9/section/76 (accessed: 20 October 2026). — Electronic text.
3. Sexual Offences Act 2003. Section 79. Part 1: General Interpretation : UK Public General Acts, 2003, c. 42 // Legislation.gov.uk : Official UK Legislation Website. — URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2003/42/section/79 (accessed: 20 October 2026). — Electronic text.
4. Grünhut M. English Criminal Law // Modern Foreign Criminal Law. Moscow: Foreign Literature Publishing House, 1961. Vol. 3. P. 650.
5. Criminal Code Act 1995 (Australia) [Electronic resource]. Available at: https://www.legislation.gov.au/C2004A04868/latest/text (accessed: 26.04.2026).
6. Kenny C. Fundamentals of English Criminal Law. Moscow, 1949.
7. Maleshina A. V. Features of the Criminal Law Systems of Common Law Countries // Actual Problems of Russian Law. 2008. No. 3. Pp. 595–603.
8. Petrenko, V. V. Continuing Crimes: Criminal Law Characteristics and Problems of Legal Qualification : Dissertation for the Degree of Candidate of Legal Sciences / V. V. Petrenko. — Moscow, 2025. — 222 p.
9. Petrova E. A. Structural Elements of the American Legal System: Theoretical and Comparative Aspects // Theory and Practice of Social Development. 2011. No. 6. Pp. 215–219.
10. Model Penal Code of the United States [Electronic resource]. Russia: Pashkov Library. Available at: https://constitutions.ru/?p=5849 (accessed: 23.04.2026).
11. Rasskazov L. P. The Anglo-Saxon Legal Family: Genesis, Main Features and Principal Sources // Scientific Journal of Kuban State Agrarian University. 2015. No. 105.
12. Criminal Law of Foreign Countries. General Part / Ed. by I. D. Kozochkin. Moscow: Omega-L, 2003. P. 9.
13. Criminal Code of Canada [Electronic resource]. Available at: https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/C-46/section-581.html?txthl=transaction (accessed: 20.04.2026).